

Евгений Додонов. «Вязанка дров». 1969.

Дарья АКИМОВА

Случай Додонova уникален: это едва ли не единственное настоящее художественное открытие, случившееся за последнее десятилетие.

Его назвали теперь «тайным модернистом шестидесятых». Его имя было почти неизвестно, потому как был он «несоциализованным». В переводе на нормальный язык это значит, в частности, что в выставках не участвовал (в том числе и в тайных, квартирных; десять лет назад прошла одна, уже легальная — никто не заметил). Если был у нас среди многочисленных опальных художников «человек подполья», то это именно Додонов. Однако он много преподавал, и у него остались очень разные ученики. Некоторые из них стали даже знамениты, некоторые к тому же талантливы, а любимейший — Владимир Брайнин — среди тех, кто устроил выставку.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОЛья ПОД ПОЛья

**В Инженерном корпусе
Третьяковской галереи
открыта выставка
Евгения Додонova
(1905–1974)
«Превратности»**

Додонов — из того поколения, которое уже не успело начать жизнь «до октября» и уже опоздало — после. С 1941 по 1956-й был в лагере, потом ему не сразу разрешили жить с семьей. Мастерской у него не было, и вообще нигде было работать — ни мольберта, ни стола. Он писал, выдвигая бумагу из-под кровати: лист лежал на полу, а он, сидя на этой же кровати, водил кистью, к черенку которой был привинчен еще один — чтобы длинный получился. Потом лист задвигался обратно. Холстов всего 11 штук, все остальное его наследие, хранившееся долгие годы в семье, — «многодельная» (сложная, требовавшая кропотливого труда) графика.

Пространство у Додонova (которого настойчиво сравнивают с мрачным гением Павлом Филоновым) едва ли не зооморфно, то есть очень похоже на живое существо, которое разрастается за пределы работы, вываливается на зрителя или увлекает его внутрь — в какой-нибудь «Дом сумасшедших» или в «Кошмары». Зло у Додонova никогда не бывает персонализировано, оно просто разливается вокруг. Однако осязаемые ужасы советского быта вытесняются у Додонova образами Пикассо, Гойи и Рембрандта: он писал реплики (работы-цитаты про своих любимых художников) — защищаясь ими от «Наваждений» коммунальной кухни. Но, как ни странно, у него получалось все равно не про Пикассо, а про себя и про нас. Такое «получалось» — признак большого художника.

Век. Москва. 2002. — 24 сент. — 8. 7